

АНОНС НОВОЙ КНИГИ

Обычно журналы рецензируют книги, увидевшие свет, а не сообщают о подготовке индивидуальных или коллективных монографий и сборников. Редакция журнала рассмотрела и одобрила предложение открыть несколько непривычную рубрику — “Анонс новой книги”. В ней будут размещаться подготовленные фрагменты результатов исследований, которые в скором времени предстанут в привычной форме — в мягком или твердом переплете с определенным количеством страниц. Очень сомневаемся, что подобный шаг повысит интерес к чтению научных работ, ведь практики проведения времени с книгой в руках становятся все менее распространенными. Однако приглашаем не только социологов, но и представителей всех общественно-научных дисциплин предлагать журналу такие, по сути, рекламные материалы.

Открывает рубрику “Введение” к коллективной монографии “Состояние сингулярности: социальные структуры, ситуации, повседневные практики населения”, которая будет издана в следующем году; авторами книги являются сотрудники отдела социальных структур Института социологии НАН Украины и кафедры социологии Национального университета “Киево-Могилянская академия”.

УДК 316.4.051

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

доктор социологических наук, заведующий отделом социальных структур Института социологии НАН Украины, Киев

СВЕТЛАНА ОКСАМИТНАЯ,

доктор социологических наук, декан факультета социальных наук и социальных технологий НАУКМА, Киев

Введение: определять состояние общества и давать ему имя

Аннотация

Быстрые социальные изменения стали нормой в современном мире как для отдельных стран, так и, в частности, в пределах Европейского Союза, где нарастает неоднородность европейского социального и политико-экономического пространства. Референдум в Великобритании подтвердил дезинтеграционные тенденции в европейском пространстве и усиление ценности национального изоляционизма. На просторах Союза Независимых Государств, куда до сих пор входит Украина, как следствие вооруженных конфликтов возник ряд так

называемых независимых государств и “зон замороженных конфликтов”. Украина не стала исключением, утратив часть своей территории из-за аннексии Крыма и войны на Донбассе. Современное состояние украинского общества описывается как “состояние сингулярности”, когда речь идет о чем-то особенном, необычном, чрезвычайном, иногда парадоксальном. Во время войны практики повседневной жизни людей меняются, разрушаются, возникают новые формы поведения и взаимоотношений. Представленный текст является введением к коллективной монографии, в которой авторы на основе преимущественно репрезентативных данных описывают то, что происходит в украинском обществе после чрезвычайных событий 2013–2014 годов в оценках, взглядах, убеждениях и повседневных практиках граждан.

Ключевые слова: *состояние, ситуации, сингулярность, повседневность, практики*

Тезис о когнитивном и смысловом истощении концепта “общество” был довольно популярен среди социологов в нулевых годах нынешнего столетия. Так, по крайней мере, считали весьма авторитетные в нашей дисциплине зарубежные исследователи, те, кого чаще всего цитируют и к кому следует прислушиваться (см.: [Костенко, Макеев, 2008]). В целом это была реакция на процессы глобализации, которые, якобы, утверждали безвозвратную прозрачность государственных границ и то ли желаемое, то ли фатальное ослабление государственного суверенитета, мечту или грезы о “транснациональном обществе” [O’Mahony, 2014]. Дискуссия между М.Буравым и П.Штомпкой по поводу соотношения “универсальной” (единой) и “региональной” (раздробленной) социологии к сближению позиций не привела. Опросы оставались “национальными”, и только знатокам известно, к каким ухищрениям методического характера прибегают, например, научные руководители европейского социального исследования (ESS), чтобы, не боясь ошибиться, вдруг заявить, “что именно европейцы думают о такой-то проблеме”.

Между тем, неоднородность европейского социального и политико-экономического пространства усиливалась по мере принятия в Европейский Союз новых государств и в условиях все еще не преодоленного финансово-экономического кризиса 2007 года. Сепаратистские настроения населения и политиков в Бельгии (Валлония) или Испании (Каталония) казались маргинализированными и неопасными для единства послешенгенской Европы. Даже теракты 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке еще не воспринимались как перенесение войны с гор Афганистана и пустынь Ирака на улицы крупнейших городов Северной Америки и Европы. Однако в первой половине текущего десятилетия ситуация обострилась в результате свержения правительств ряда стран на севере африканского континента (Египет, Ливия), резкой дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке (Палестина, Ливан, Йемен). На части территории Ирака и Сирии возникло ИГИЛ — исламское государство Ирака и Леванта, территория перманентной с 2011 года войны и насилия. Миграция отсюда и из беднейших стран Африки в Европу и Турцию приобрела беспрецедентные масштабы, а население ряда европейских столиц оказалось объектом периодических террористических атак. НАТО, США, Франция, Германия, Россия начали тщательный пересмотр своей оборонительной политики — так традицион-

но называют мобилизацию и повышение боеспособности национальных и объединенных вооруженных сил, а “миграционные квоты” стали “яблоком раздора и разлада”. Отсутствие препятствий для передвижения граждан, считавшееся безусловным благом, ныне стало источником угрозы и, в итоге, на границах между некоторыми странами начали возводить стены из колючей проволоки (подобный проект выполняется и в Украине — в отношении северного соседа). Событиями конца прошлого века (война в Ираке, распад Югославии и война на ее территории с привлечением международных миротворческих сил, отделение Косова) и начала текущего, а также их долгосрочными, как оказалось, последствиями, лишь относительно уравновешенному, мировому и европейскому право- и социальному порядку была придана более широкая амплитуда колебаний, что фактически переводило евросоюзные национальные социумы в чрезвычайное состояние.

23 июня 2016 года в Великобритании на референдуме было подано на миллион голосов больше за выход из Европейского Союза, что является одновременно и результатом все более ощутимых центробежных, дезинтеграционных тенденций в этом надгосударственном образовании, и новым импульсом для них. Стала явной прежде подспудная отталкивающая реакция на взаимную связь современных рынков и территорий, аффективное, скорее чем рациональное, их отрицание. Ценность изоляционизма, которой, казалось еще недавно, окончательно был приписан самый низкий статус в государственном употреблении, получила распространение в настроениях и отношениях разных групп населения и некоторых даже умеренных политиков, репрезентируя не столько необходимость сохранения остатков суверенитета во внутреннем пользовании, сколько его как можно более широкую возможную реставрацию. Стремительно актуализировались и представления о государственной особенности, о приоритете национальных интересов, о не на столько аттавистическое, как до недавнего времени, а, наоборот, неотъемлемо витальное стремление контролировать возможности, ресурсы, ориентации, территорию и все, что на ней находится. Причем такая очевидная консервативная реакция произошла в контексте ожидания неумышленных, угрожающих и практически непредсказуемых последствий событий, которые уже случились или должны произойти. То есть тогда, когда политикам, экспертам и рядовым гражданам будущее видится и непрозрачным, и непривлекательным, а политическим, социальным, экономическим оптимистически окрашенным надеждам почти не остается места. Соответственно, популярными в европейских странах становятся альтернативные проекты будущего для отдельных стран — надежда или иллюзия, что все же существует выбор возможных маршрутов и направлений позитивной неглобализированной эволюции и что силы, призванные упорядочить сосуществование в рамках национальных государств, не окончательно исчерпаны и могут справиться с проблемами, надвигающимися из будущего, без вмешательства и помощи извне.

На просторах Союза Независимых Государств, руководители которых все еще собираются на саммиты, а разногласий между ними не меньше, чем в ЕС, в результате вооруженных конфликтов возникли Республика Южная Осетия (часть Грузии, 1992), Приднестровская Молдавская Республика (часть Молдовы, 1991), Нагорно-Карабахская Республика (часть Азербайджана, 1991), Республика Абхазия (часть Грузии, 2008). Республики при-

знали друг друга и были признаны некоторыми экзотическими странами на разных континентах. Сведения о них и некоторые (не все) атрибуты государственности (флаг, гимн, Конституция, социальные институты) можно найти в Википедии, однако их бесполезно искать на политических картах мира — они существуют в реальности, но не на политическом глобусе современного человечества. Не только в СНГ, но и на других континентах за последние несколько десятилетий возникли десятки так называемых “зон замороженного конфликта”, где война переведена в состояние менее острого военного противостояния, что, собственно, и легитимирует перманентное существование конфликтов, не имеющих окончательного решения, причем территория их существования на политической карте мира в последнее время суммарно расширяется. И не видно убедительных признаков выхода из таких состояний, как нет и положительных примеров для подражания: социально-культурные отличия на почве амбиций и предубеждений тех, кто имеет власть или только стремится ее праведно или неправедно получить с применением оружия, ценой тысяч жертв, превратились в постоянные генераторы ненависти и агрессии.

Сценарий образования “республик” в СНГ незатейлив: провозглашение независимости, вооруженный конфликт, референдум, декларация независимости, “мирные соглашения”, а последовательность упомянутых составляющих варьирует и частично совпадает. Россия как региональная супердержава непосредственно не участвовала только в войне между Арменией и Азербайджаном. В Южной Осетии и Приднестровской Молдавской Республике “миротворческая миссия”, а в 2008 году “принуждение к миру” Грузии с Абхазией в кратковременной войне. Мотивация участия, как и большинство подобных мотиваций в современной межнациональной политике, нехитрая, но с претензией на безусловную и неоспоримую значимость: защита прав русскоязычного населения или права на отделение и самоопределение, защита от агрессии недоброжелательной, националистически настроенной части политического истеблишмента и граждан конкретного государства.

В Украине фактическую трансграничность с Российской Федерацией и возможность повторения здесь стандартного сценария, продемонстрировавшего свою действенность и осуществимость, ощущали и артикулировали как угрозу только представители правого края политического спектра, но никак не массовые настроения населения. Впрочем, три главных события новейшей истории Украины — Майдан 2013–2014, аннексия Крыма Российской Федерацией, война на Донбассе и возникновение анклавов в виде так называемых Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР), которые отделились и пополнили список непризнанных миром “республик”, продуктов распада СНГ, изменили ситуацию, усилили ее негативную и конфликтную модальность. “Мировая война с терроризмом”, как порой даже справедливо называют масштабное использование вооруженных сил разных стран, с одной стороны, против военных формирований, индивидуальных и групповых нападений с применением взрывных устройств и стрелкового оружия приверженцев определенных идеологий, религий и представлений о достойном человеке мироустройстве в городах и городках на разных континентах планеты, с другой стороны, с 2014 года ведется и на нашей территории под названием антитеррористической операции (АТО). Россия присутствие своих войск на территории

Украины отрицает, фактически квалифицируя конфликт как гражданскую войну.

Сомнительно, что война имеет положительные последствия, безусловно преобладают разрушительные, узаконивающие насилие, калечащие общественную мораль, срывающие с мест — от своих профессий и жилищ — людей да и сами места, расплывают профессии и жилища, сеют смятение в умах и смуту в делах. И тогда уже даже в оптике опытных наблюдателей не только с ходу, но и с размышлением не так легко разобрать, где реальность, а где миражи, где правда, а где выдумка, которую в наше время не отличить от намеренной лжи в традиционных и современных медиа. Интенсивность “информационного облучения” граждан в текущем столетии возросла беспрецедентно. И это не какое-то отклонение в содержании и функционировании публичной сферы в целом, а ее доминирующий (наиболее массовый) признак. К тому же сами наблюдатели занимают определенную позицию в социальном пространстве с смонтированными в нее предубеждениями и безусловностями, которые и задают угол зрения на, скажем, то, как называть стороны противоборства в “антитеррористической операции”. Кроме того, в медиа и социальных сетях распространены как антиномийные, так и просто разные определения, функционирующие в виде стигмы — легко распознаваемые негативные определения, которые для многих все объясняют и позволяют понимать события и очерчивать собственную позицию в отношении их.

От фактологических коннотаций фразы “настали в Украине другие времена” можно отворачиваться и делать вид, что их не существует, но уклониться от тактильных и эмоциональных контактов с грубой реальностью мало кому удастся. Ее свойства обусловлены у нас противоречивым симбиозом глобальных (экономический и миграционный кризис, центробежные стремления и порывы в европейской политике) и локальных трендов (стагнация экономики, неэффективное государственное управление, коррупция, слабые социальные институты), редуцированных, модифицированных, мультиплицированных экстраординарными событиями в одних сегментах социума и, вместе с тем, взаимным отторжением, неприятием — в других. О таком странном, колеблющемся, а может и ирреальном, социальном, экономическом, культурном и политическом коллаже трудно, а то и невозможно сложить исчерпывающий рассказ. Поскольку любой рассказ непременно должен быть неполным, поэтому следует заранее указать на некоторые особенности, упрощения и ограничения выполненной социологами НаУКМА и Института социологии НАН Украины работы, оформившейся в коллективную монографию. Сначала о названии, в котором есть формулировка “состояние сингулярности”.

Социология начинается и продолжается как научная дисциплина, которая — помимо прочего, а может, и прежде всего — пытается всякий раз определять состояние общества в целом, динамический характер которого принимается априори, и называть это состояние. Вот только некоторые из имен: *солидарность, норма, патология, аномия, конфликт, неравенство, порядок, хаос, закрытое, открытое, мобильное, переходное общество, общество риска, постмодерне, информационное*. Даже в таком кратком и неполном перечне просматривается неприкрытая смесь явлений. Одни существуют одновременно и в пропорциях, которые не подлежат или вообще не поддаются рациональному калькулированию — скажем, норма и патология, неравен-

ство и эгалитарность. Исследователь, ориентированный на эмпирические поиски, пытается выявить и описать один или корреляцию нескольких такого рода аспектов состояния общества. Полученной компетенцией он, часто исключительно для собственного пользования, возводит конкретную характеристику в статус доминирующей. Однако для теоретиков, которые по статусу должны быть чувствительны к ритмам функционирования социума, едва ли не обязательной остается опция предлагать универсальное определение состояния для того, что традиционно носит название “общество”. Так появляются “общества риска, мобильности, текучести, постмодерна”. Однако не предпочтения теоретиков обуславливают переход социумов в новое состояние, а влияние мощных факторов, которые на поверхности общественной жизни выступают в качестве события. И тогда именно они становятся и представителями, и сигнификаторами необычных обстоятельств и условий, в которых индивидам и сообществам приходится действовать, воспринимать и ощущать бремя и неожиданности общего существования в определенное время, продолжительность которого заранее не определить.

Далеко не случайно тематика практически всех конгрессов Международной социологической ассоциации (ISA) и Европейской социологической ассоциации (ESA) в XXI веке на удивление постоянна: *неопределенность, кризис, насилие, турбулентность, неравенство*. Мир людей, по мнению квалифицированных организаторов подобных форумов, достиг принципиально нового состояния, метаморфоза которого из-за действий надгосударственных и национальных сил и тенденций предсказуема, пожалуй, в одном: риски множатся, а повседневность — улицы, автомобильные и железные дороги, торговые и развлекательные центры, редакции газет и журналов, воздушные коридоры для самолетов — становится все менее безопасной и все более неблагополучной. В социологический трюизм превратилось утверждение о невиданном ранее усложнении современных обществ, что ставит под сомнение проведение надежных диагностических и аналитических работ, претендующих на понимание и объяснение мотивов действий людей, социальных категорий и групп, организаций и институтов. Современность в ускоренном ритме оснащается новыми технологиями и вещами, корректирует стили потребления, труда, участия в совместных делах и, фактически, постулирует недолговечность или даже необязательность устойчивых контактов между людьми. И становится все более непрозрачной — детали распознаются с большим трудом, тенденции вроде бы проявляются, но их быстро сменяют другие, а иногда и противоположные, прогнозирование и предвидение практически окончательно теряют научный статус, а “стабильность” переведена в разряд архаичных терминов. Такой образ модерна (современности) представлен в разработках политологов, социологов, философов.

Три понятия в специальной литературе используют для описания того состояния, в которое перешли отдельные общества и мир в целом — *кризис, чрезвычайность (emergency), исключенность*. Выбирать, следовательно, приходится из “кризисного социума”, “состояния чрезвычайности”, “состояния исключенности” либо прибегать к их комбинации. В контексте событий после зимы 2013–2014 годов в Украине авторы отдали предпочтение “сингулярности” как причудливому сочетанию *событий, состояния кризиса в экономике, состояния emergency в культуре и состояния исключенности в*

политической жизни. Сохранена и основная этимология слова — то, что редко встречается, особое, непривычное, странное, парадоксальное, иногда экзотическое и чудное, но и радикально возмущенное, однако имеющее устойчивые свойства и характеристики, существующие с основательно измененным порядком вещей, явлений, ожиданий и чаяний, имеющее шанс как превернуться в нечто положительно другое, так и остаться в вынужденно найденном состоянии. Во время войны порядки повседневной жизни людей разрушаются полностью или частично; центральная власть не переизбрана, а дисквалифицирована протестным движением в столице и некоторых регионах (Майдан); у страны, несмотря на существующие международные договоренности о территориальной неприкосновенности, одним из подписантов соответствующего документа в Будапеште экспроприрована значительная территория с несколькими миллионами населения; часть высшего политического и военного руководства сбежала из страны (их так никто и не пересчитал), опасаясь за свои действия осени 2013 и зимы 2014 годов то ли справедливой расплаты, то ли несправедливой расправы. Так что где-то кризис или исключительность, но у нас — они же в контексте непривычности, того, чему почти нет аналогов, чему недостает объяснительных схем.

В отечественной социологии, между тем, имеются некоторые концептуальные достижения в определении национальной особенности жизни и бытия времен Независимости. Сошлемся на несколько работ и имен (перечень неполный и потому предвзятый), которые выполняли (пусть другие судят, насколько успешно) научной традицией переданную социологам обязанность “определять ситуацию”. Прежде всего две работы 90-х годов прошлого века: книга Е. Головахи и Н. Паниной о социальном безумии как состоянии украинского социума [Головаха, Панина, 1994] и статья Н. Костенко и С. Макеева о “пятом мире” и его основных характеристиках [Костенко, Макеев, 1996]. В обеих констатируется, что в Украине происходят вещи, которым трудно — а то и вообще невозможно — найти параллели в современной истории стран, возникших вследствие распада СССР. Публикации В. Хмелько и В. Паниотто об изменчивости общественного мнения о российско-украинских отношениях, политической и социальной ситуации, степени толерантности населения Украины (по данным опросов Киевского международного института социологии и Всероссийского центра изучения общественного мнения). Работы в области макросоциологии С. Катаева, И. Кононова, П. Кутуева, О. Куценко, Н. Черныш, в которых дается оценка современного состояния украинского общества. Ежегодные сборники Института социологии НАН Украины о динамике социальных изменений в стране на основе мониторинга, который в 2014 году был отмечен Государственной премией в области науки и техники. Наконец, комплексное исследование феномена недоверия, осуществленное коллективом сотрудников Института социологии НАН Украины [Общество без доверия, 2014].

Итак, модерн (современность) в отечественном интерьере проявляет себя в течение почти трех десятилетий как состояние сингулярности, как то, чему трудно подобрать аналоги и определения, что крайне сложно преодолеть или существенно модифицировать. Конечно, существуют другие “миры” или даже “вселенные”, возможно лучшие, по крайней мере более привлекательные, и шанс стать похожими на них существует. Известны и условия, которые нужно для этого выполнить, но движение из состояния сингу-

лярности, состояния экзотической особенности, если и зарождается, то едва заметно, создавая скорее иллюзию движения — что-то вроде бы и заканчивается, но удивительным образом начинается снова, в чуть отретушированных и казалось бы обновленных социально-политических декорациях. Порыв и склонность части граждан и политических сил менять ситуацию (то ли фантастически, то ли закономерно) 25 лет подряд уравнивались консервативными интенциями, привычками, стереотипами восприятия, опытом эффективного действия в условиях, которые как-то сложились, со стороны другой части граждан и политиков, а частично — не исключено — и первой.

Впрочем, после Майдана зимы 2013–2014 годов имеем “новую сингулярность” — с особыми признаками, ситуациями, состоянием дел. Ее возникновение обусловили известные чрезвычайные события, которые своими последствиями имели преобразование структуры и текстуры социальной материи, ожиданий, чаяний, солидарностей, повседневных действий и коммуникаций граждан. По-видимому, именно негативно окрашенная особенность в организации, функциях, стандартах государственной, общественной и повседневной жизни, наряду с ожидаемыми и непредвиденными эффектами чрезвычайных событий, делают пока что непреодолимым путь между Украиной и Европейским Союзом. Весьма сомнительно, что он сократился по сравнению, например, с первыми десятилетиями текущего столетия. И тогда не представляется абсолютно проигрышной ставка на то, что общественно-политический проект под названием “Украина” хотя бы для нынешних поколений граждан так и останется вариацией модерна, отдельным историческим “случаем”, химерической имитацией возможных общественных порядков, не лучшим из возможных сценариев общей жизни, который, несмотря на это, не без успеха отстаивает свое право на существование.

Присутствующая в коллективном труде социография опирается преимущественно на данные репрезентативных опросов, которые воссоздают крайне неоднозначную ментальную картину. Чрезвычайные события, как и следует, привели к поляризации и определенной радикализации массовых настроений и оценок. Однако тенденция к черно-белому восприятию и интерпретации того, что происходило и происходит, значительно ослаблена плюрализацией мнений и поведенческих реакций на события. При этом соотношение “за” или “против” чего-то осталось для нас практически за рамками внимания, коллектив исследователей с самого замысла монографии не собирался оценивать пропорции сил в обществе в виде приверженности тем или иным идеям или перспективам социальной эволюции в соответствии с каким-либо геополитическим вектором. Распределение суждений и установок респондентов, конечно, приводится, однако мы воздерживаемся от оценки его политического веса или значения, пытаясь говорить о предмете, а не о его модальности.

Использованные авторами количественные данные обуславливают еще две особенности текста. Во-первых, за пределами нашего исследовательского внимания оставлены причины экстраординарных событий, то, из-за чего все в Украине произошло так, а не иначе. О корнях и пружинах глубоких социальных аномалий позволительно размышлять неординарным умам. Так, Н.Бердяев в 1918 году в эссе “Духи российской революции” причиной национальной катастрофы, обрушившейся на Россию, считает исключительную разновозрастность нации. И хотя, как он убежден, каждый народ в лю-

бой момент своего существования живет в разные времена, но российский народ объединяет XX и XIV века, а объединение таких периодов и эпох есть “источник нездоровья и препятствие целостности национальной жизни”. Социолог, признавая справедливость констатации в плане разновозрастности любого народа, по определению более поверхностный, он пытается и просто обязан не отрываться от почвы эмпирических фактов и наблюдений, претендуя главным образом на более или менее корректную диагностику и интерпретацию ситуаций, в которых респондентам приходится действовать или принимать решения о своем будущем.

Во-вторых, практически ничего не будет сказано о модификациях институциональной структуры, которая не без проблем, но происходит, об изменении функций конкретных институтов. Разумеется, если иметь в виду общество в целом, то вся, так сказать, соль и весь перец общественного метаболизма заключается в социальных институтах — этот тезис для социологов ни при каких условиях не утратит первостепенной значимости. В отечественной социологии имеются определенные теоретико-методологические наработки касательно характеристик унаследованной структуры институтов и сложившейся в Украине в ходе запланированных и стихийных трансформаций и деформаций предыдущего общественного порядка [Головаха, Панина, 2001; Головаха, 2011; Макеев, 2011]. Однако институциональный анализ не входил в круг задач исследования, представленного в монографии, а массовые опросы, основной поставщик эмпирической информации, — не тот метод, который уместен для исследования динамики институциональной структуры и ее составляющих. Кроме того, за рамками проведенных наблюдений и интерпретаций остались состояние *emergency* в культуре, а также импликации состояния исключенности в политической сфере.

Подзаголовок монографии отражает все ее содержание: то, что происходило и происходит после чрезвычайных событий осени и зимы 2013–2014 годов во впечатлениях, оценках, взглядах, убеждениях и действиях граждан Украины. В первой главе очерчена концептуальная рамка для описания состояния сингулярности — события, состояние, ситуации, реакции на ситуации (практики населения). Во второй главе речь идет о новых явлениях в социальной структуре и о массовых ментальных образованиях, присущих респондентам тогда, когда силовые линии в обществе формируют структуру этих образований и обуславливают состояния сознания разных статусных и демографических категорий населения, а сами силовые линии под влиянием чрезвычайных событий меняют свою интенсивность. В третьей главе интерпретируются поведенческие реакции людей: их реальные действия под влиянием неконтролируемых внешних сил и обстоятельств, которые принудительно переводят индивидуальную, семейную и групповую повседневную жизнь в непривычные режимы функционирования.

Источники

Головаха Е.И. Социальное безумие: история, теория и современная практика / Е.И. Головаха, Н.В. Панина. — К. : Абрис, 1994. — 168 с.

Головаха Е.И. Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе / Евгений Головаха, Наталия Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 4. — С. 5–22.

Головаха Е.И. Законы институциональных изменений / Евгений Иванович Головаха // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. — 2011. — № 948. — С. 9–13. — (Серія : Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи ; вип. 28).

Костенко Н. Непридуманый “пятый мир” / Наталия Костенко, Сергей Макеев // Политическая мысль. — 1996. — № 1. — С. 41–48.

Костенко Н. Место и время социологии / Наталия Костенко, Сергей Макеев. Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 1. — С. 11–32.

Макеев С. Інституційні інкубуси та еволюція суспільств / Сергій Макеев. — Вісник Львівського національного університету імені Івана Франка. Серія соціологічна. — 2011. — Вип. 5. — С. 3–10.

Общество без доверия / под ред. Е. Головахи, Н. Костенко, С. Макеева. — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 2014. — 338 с.

O'Mahony P. Europe, crisis, and critique: Social theory and transnational society / Patrick O'Mahony // European Journal of Social Theory. — 2014. — August, Vol. 17, № 3. — P. 238–257.